

діяти ні шляхом реформ, ні шляхом репресій, ні шляхом ні того та іншого одночасно [2, 70].

В той же час в губерніях авторитет громадських комітетів став невпинно падати, тому справи губернського масштабу передаються до міських Дум, а комітетам дозволяється лише вирішувати питання, які стосувалися повітів до створення демократичних земств. За таких умов з кінця липня 1917 р. робота комітетів починає занепадати [27, 4].

У Чернігівській губернії 19 серпня 1917 р. відбулося засідання Ніжинського міського комітету, на якому ухвалили через формування та початок роботи нової Думи припинити діяльність міського громадського комітету як органу самоуправління та перейменувати його в Раду об'єднаних громадських та політичних організацій, основною метою якої було інформування населення про політичні події в країні [24, арк. 57].

Таким чином система фінансового забезпечення громадських виконавчих комітетів перебувала у стані постійної кризи. Насамперед це було пов'язано з політикою Тимчасового уряду, який не бажав витрачати кошти на новостворені органи самоуправління. Недосконалий механізм стягнення податків та зборів з поміщиків та торговців, які були підтримані центральною владою, також приводив до зменшення коштів на існування громадських комітетів. Найбільшим джерелом фінансування залишалися земства та управи, за рахунок яких громадські комітети існували тривалий час. З початком виборів до Дум земства та управи істотно зменшили фінансування громадських комітетів, що стало однією з причин їх занепаду, а згодом і повної ліквідації.

Посилання

1. Андреев А.М. Местные советы и органы буржуазной власти. – М.: Наука, 1983. – 347 с.
2. Анін Д. Революція та її історіографія // Октябрьський переворот. – М.: Современник, 1991. – С. 70.
3. Герасименко Г.А. Первый акт народовластия в России: общественные исполнительные комитеты (1917). – М.: Ника, 1992. – 350 с.
4. Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917 – I пол. 1918 г.; на мат-лах Нижнего Поволжья. – Саратов: Изд. Саратов. унив., 1974. – С. 85.
5. Державний архів Полтавської області (далі – ДАПО), ф. 772, оп. 1, спр. 7, арк. 13.
6. Державний архів Сумської області (далі – ДАСО), ф. 177, оп. 1, спр. 1, арк. 3–8.
7. Державний архів Харківської області (далі – ДАХО), ф. 19, оп. 1, спр. 341, арк. 104.
8. ДАХО, ф. 304, оп. 1, спр. 2969, арк. 447.
9. Местная жизнь // Сумской вестник. – № 56. – 10.03.1917. – С. 2.
10. ЦДАВО, ф. 996, оп.1, спр.17, арк. 4.
11. ЦДАВО, ф. 996, оп.1, спр. 17, арк. 6.
12. ЦДАВО, ф. 996, оп.1, спр. 17, арк. 7.
13. ЦДАВО, ф. 996, оп.1, спр. 17, арк. 8.
14. ЦДАВО, ф. 996 оп.1, спр. 91, арк. 2.
15. ЦДАВО, ф. 996, оп.1, спр. 91, арк. 3.
16. ЦДАВО, ф. 996, оп.1, спр. 91, арк. 60–65.
17. ЦДАВО, ф.996 оп. 1,спр. 91 арк. 61.
18. ЦДАВО, ф. 996, оп.1, спр. 91, арк. 69.

19. ЦДАВО, ф. 996, оп. 1, спр. 91, арк. 102.
20. ЦДАВО, ф. 996, оп. 1, спр. 91, арк. 104.
21. ЦДАВО, ф. 996, оп. 1, спр. 91, арк. 109.
22. ЦДАВО, ф. 996, оп. 1, спр. 91, арк. 111.
23. ЦДАВО, ф. 996, оп. 1, спр. 91, арк. 113.
24. ЦДАВО, ф. 1486, оп. 1, спр. 1, арк. 57.
25. ЦДАВО, ф. 1486, оп. 1, спр. 7, арк. 1–7.
26. ЦДАВО, ф. 1486, оп. 1, спр. 7, арк. 50.
27. Харьковский губенский общественный комитет // Южный край. – № 14186. – 18.08.1917. – С. 4.

Букина И.В. Финансовое обеспечение общественных исполнительных комитетов на Левобережной Украине (март – август 1917 г.)

В статье рассматривается проблема финансирования общественных исполнительных комитетов на примере Черниговской, Харьковской и Полтавской губерний. Выделены основные источники финансирования. Определены сметы губернских и уездных комитетов. Отдельная роль отводится взаимоотношениям общественных комитетов и Временного правительства.

Ключевые слова: общественные комитеты, источники финансирования, смета.

Bukina I.V. Financial support of public executive committees in Left Bank Ukraine (March – August 1917)

In article the problem of financing of public executive committees on the example of the Chernihiv, Kharkiv and Poltava provinces is considered. The main sources of financing are allocated. Estimates of provincial and district committees are defined. The separate part is assigned to relationship of public committees and Provisional government.

Key words: community committees, sources of financing, estimate.

02.03.2015 р.

УДК 94(477):2–317 В. Бурятинський «1917/1918»

О.М. Мірошниченко

ГЛУХІВ В УКРАЇНСЬКІЙ РЕВОЛЮЦІЇ (ПОДІЇ 1917–1918 РОКІВ ЗА СПОГАДАМИ В. БУРЯТИНСЬКОГО)

У статті вперше публікується щоденник офіцера російської імперської армії В. Бурятинського, який був активним учасником антибільшовицького повстанського руху на Глухівщині в 1917–1918 рр.

Ключові слова: Глухів, Циганок, Студенок, більшовик, німці, Батуринський полк, Глухівський полк.

Вивчення історії України, як і інших країн, ґрунтується на історичних джерелах, неупереджене дослідження яких при розкритті тієї чи іншої історичної проблеми дозволяє дотримуватися основних принципів пошуку: об'єктивності, правдивості, історизму, науковості.

Світогляд більшості сучасних українців був сформований за часів Радянського Союзу, коли принцип об'єктивності підпорядковувався ідеологічному спрямуванню сприйняття історичної дійсності, що відбувалося через спотворення джерел інформації. Тому зараз завданням істориків-науковців стає не примусове світоглядне перевиховання українців, а оприлюднення правдивих історичних фактів, якими б непривабливими і суперечливими вони не були. Об'єктивна історична інформація – це основний засіб розвінчання радянських та пострадянських історичних міфів.

Серед джерел, на які спирається сучасна історична наука, виокремлюють писемні, які поділяються на дві основні групи: актові матеріали (документи, які є результатом діяльності різних установ, організацій та офіційних осіб: грамоти, договори, протоколи, циркуляри, накази, статистичні дані, стенограми тощо) та розповідаючі (літописи, спогади, щоденники, листи, нотатки, публіцистичні, економічні, літературні тощо). Введенням до наукового обігу раніше невідомого рукописного щоденника білогвардійського офіцера В. Бурятинського автор ставить за мету розширення об'єктивного інформаційного поля щодо подій Української революції 1917–1920 рр. на Глухівщині.

Відомості про Глухів та Глухівщину у передреволюційні та революційні роки можна отримати в роботах В.І. Белашова [1; 2; 3; 4; 7], С.І. Білокопя [5], М.П. Василенка [6], В.Г. Гурби [8], В.В. Заїки [11], Ю.О. Коваленка [15; 16], В.В. Назарової [17; 18; 19; 20], С.В. Тупіка [22]. Неупереджена інформація щодо революційних подій на Сумщині міститься в дослідженнях Г.М. Івануценка [12; 13; 14]. Серед істориків, що вивчають причини більшовицької війни на території України, слід згадати роботи С.Н. Ємельянова [9], В.А. Савченка [21], А.І. Єгорова [10].

Спогади білогвардійського офіцера – це розповідь військового про історичні події, які відбувалися на Глухівщині у буремні роки Української революції та його особисте ставлення до наведених фактів. Текст поданий мовою оригіналу.

«В г. Глухове (Черниговской губернии)

В 1917 году, в двадцатых числах декабря, я вернулся с Юго-Западного фронта к себе домой в г. Глухов. У нас еще была власть Временного правительства: в городе функционировала городская управа, выборов 1917 г. В уезде действовали какие-то банды; политической окраски они не имели и занимались грабежом именитых. Черная анархия царилась всюду. Банды налетали на город и грабили жителей. Иногда обыватели какого-нибудь дома запирались внутри и выдерживали

осаду в течении 6–8 часов. В связи с этим, в городе образовалось «Вильне казачество». В эту организацию записывались офицеры, гимназисты и граждане. Вильные казаки не имели специфического украинского оттенка: это была городская самооборона. Вильне казачество вело борьбу с бандитами только в городе. Это объясняется тем, что не хватало сил вести бой и в городе, и вне города. Таким образом села находились во власти мелких шайк, которых в районе Глухова насчитывалось около 18. Не безопасно было выходить за город, т. к. везде были грабежи и убийства.

В ночь под новый 1918 год в город ворвались банды крестьян. Вооружены они были русскими винтовками и обрезками. Вильное казачество бежало без выстрела, т. к. 150 человек не могло вести бой с тысячной бандой крестьян. Эти банды пришли из с. Студенка. Руководили крестьянами матрос Цыганок, унтер-офицер Власов и человек неизвестной профессии Шуба. Говорили, будто Шуба – сельский учитель, но насколько справедливо это – не берусь судить. Целый день крестьяне грабили город и отправляли награбленное добро на саях в свои села. На следующий день, 2-го января, матрос Цыганок объявил себя председателем совдепа, Власова – своим помощником, а Шубу – комендантом города.

В ночь с 2-го на 3-е ими были арестованы 11 человек видных общественных деятелей города. Через два дня все они были убиты. Престарелый мировой член окружного суда М. был зверски замучен Власовым за то, что десять лет тому назад приговорил брата Власова к пожизненной каторге за изнасилование девятилетней девочки и убийство ее, а также еще за целый ряд убийств и преступлений.

Был убит предводитель дворянства Амосов, которому также за что-то мстил Цыганок. Был убит и племянник известного генерала Брусилова, потому, что был зятем Амосова.

В городе стоял Батурицкий полк (кадр его) и украинизировавшийся Глуховский полк. Глуховский полк приехал с фронта в полном боевом вооружении. Хотя людей в полку было очень мало (все разошлись по домам), но в полковых цейхгаузах было около 4000 винтовок, много бомб и пулеметов.

На крещение, 6 января, какие-то субъекты проломали крышу в цейхгаузе и достали там несколько ручных гранат. Когда в городе открылась стрельба, эти субъекты стали бросать бомбы. Большевики обвинили офицерство в злом умысле против советской власти (хотя стрельба и бомбы были по случаю праздника) и предприняли целый ряд обысков в городе. Таким образом, офицеры были обезоружены, почти все, за редким исключением.

Многие офицеры и представители буржуазии бежали из города. Многие при попытке бегства попали в тюрьмы, т. к. везде стояли заставы, причем

Мітинг на центральній площі м. Глухова у 1920-ті роки. ГKM – н/д–5091

на выезде из города необходим был пропуск за подписью коменданта. Цыганок свирепствовал и жители предпочитали сидеть дома, никуда не выходя. Ложились спать очень рано, т. к. красногвардейские патрули, разгуливавшие по улицам, заходили в тот дом, где виден был свет и располагались ужинать. Настроение у всех было подавленное – неизвестно, долго-ли продолжалось бы такое положение; атмосфера была очень сгущенная.

Так продолжалось до 20-го января. 20-го января матрос Цыганок показывал в своем номере двум проституткам ручную гранату. Бомба разорвалась, и Цыганок вместе с двумя проститутками были убиты наповал. После его смерти председателем исполкома и главным воротилой сделался товарищ Власов, а Шуба его помощником. Комендантом сделался какой-то новый.

21-го января состоялось торжественное погребение Цыганка. Был отдан приказ, чтобы на погребение явились все учебные заведения. От мужской гимназии потребовали оркестр духовой музыки, причем было приказано, чтобы все явились в мундирах. На похороны было согнано около 5000 человек народу, пели певчие, играла музыка похоронный марш. Двух проституток похоронили вместе с Цыганком. После похорон были устроены поминки с большим возлиянием самогона и прочих напитков.

Новый председатель исполкома стал еще больше преследовать офицеров; по его инициативе

были окончательно разогнаны солдаты Глуховского и Миргородского полков. Командир Глуховского полка был игрушкой в руках председателя полкового комитета, бывшего музыканта. Он стоял над командиром полка и над офицерами.

Молодые офицеры (разных войсковых частей) решили изгнать из города большевиков. Встречаясь на частных квартирах, они обсуждали положение и пришли к тому выводу, что необходимо принимать какие-либо меры, ибо ежедневно происходили расстрелы офицеров и никто не был уверен в том, что проживет следующую ночь.

Составилась группа заговорщиков около 100 человек.

В феврале месяце к командиру Глуховского полка была послана делегация, которая просила снабдить оружием нашу группу заговорщиков. Командир полка и его приближенные были шкурники и поэтому боялись прогневить председателя полкового комитета и местный совдеп. Они наотрез отказались исполнить это, а командир полка прямо испугался.

Эта вся суеда происходила на улице, возле штаба полка. В это время из штаба вышел какой-то солдат.

– Вот к нему обратитесь, – сказал командир полка, – он большое влияние имеет в городе... Может быть он и поможет вам... впрочем я сам...

– Товарищ Кравченко! – окликнул он солдата, – вон товарищам офицерам нужны винтовки, вы не поможете достать в совдепе?

Солдат изумился.

– Вам винтовки? Зачем вам винтовки?... Кто вы такие? Стойте тут и никуда не уходите...

Он бегом отправился в штаб полка, видимо для того, чтобы взять там солдат и арестовать нас, но мы бросились бежать и вскоре скрылись.

Мы недоумевали: предатель ли командир полка или дурак. Впоследствии оказалось, что он был только лишь глуп, но не предатель.

Потерпев неудачу, решили достать винтовки у жителей и офицеров. Достали немного. Очень много покупали винтовок в селах у крестьян, у которых было очень много оружия. Кроме того нам удалось обокрасть цейхгауз Глуховского полка. Красногвардейцы караулили очень скверно и это дало возможность нескольким офицерам разобрать чердачную крышу сарая, в котором помещался цейхгауз, и унести оттуда много патронов и десятка три винтовок. Таким образом наша группа заговорщиков с грехом пополам была вооружена.

Мы стали ждать удобного момента, чтобы свергнуть советскую власть в городе. Гарнизон города был не более 200 человек всякого сброду, и справиться с ними было легко. В двадцатых числах февраля была получена телеграмма о взятии ст. Ворожба немцами. Это окрылило нас и мы решили ожидать до тех пор, пока не подойдут к городу немцы, чтобы поднять восстание и захватить всю банду.

Увы! Телеграмма эта была провокацией.

Между тем, жить становилось все труднее. Никакие учреждения не работали, жалование служащим не выдавали. Даже жители окраин, мещане и мелкие торговцы были настроены против большевиков и ждали с нетерпением прихода немцев. Не было, кажется, в городе человека, которого не обидели бы большевики. В связи с наступлением немцев в городе опять начался беспощадный террор; казалось большевики никогда не надеялись возвратится сюда и старались напакостить возможно больше. Это и решило дело. Наша организация решила предупредить большевиков и выступить, т. к. неохотно было умирать. Слухи о приближении немцев все время ходили в городе и воодушевляли нас. 24-го февраля восстание началось.

24-го февраля вечером, в Дворянском собрании, был митинг, на котором присутствовали виднейшие члены совета во главе с Власовым и Шубой. Председатель организованного митинга был какой-то местный большевик. Он призывал граждан города организовать красноармейский отряд для защиты Глухова от немцев. Жители окраин, самые революционные и бунтарски настроенные, все время возражали ему и указывали на то, что при немцах будет жизнь лучше, т. к. не будет грабежей; теперь же – всё забирают, всё реквизируют.

– Где же свобода, – спрашивали обыватели, –

есть только лишь грабеж – всюду и всё забирают.

На этот митинг явились и наши заговорщики, с оружием под шинелями. Они принимали деятельное участие в митинге и, распуская ложные слухи о делах большевиков, возбуждали против них толпу. Мой приятель, поручик Иванов, стоял вблизи меня и рассказывал, как «совдепщики» (в городе так называли большевиков) ограбили соседа и забрали у него последний фунт муки. Все это, конечно, было выдумано рассказчиком, но необходимо ведь было накалить толпу до белого кипения. Наша работа увенчалась успехом: толпа вскоре бурлила и клокотала. Кто-то крикнул (по всей вероятности из заговорщиков):

– Что с ними долго церемониться, арестовать их!

Толпа бросилась к президиуму и лицам начальствующим. Шуба, Власов и прочие выхватили револьверы и пытались защищаться, но увидев направленные на них ружья, сдались. Кто-то, кажется Шуба, крикнул:

– Товарищи! Это что-же, измена..!?

В толпе засмеялись, но его ответом не удостоили. Мы хотели тотчас расстрелять их, но нашлось много интеллигентов, которые стали протестовать против.

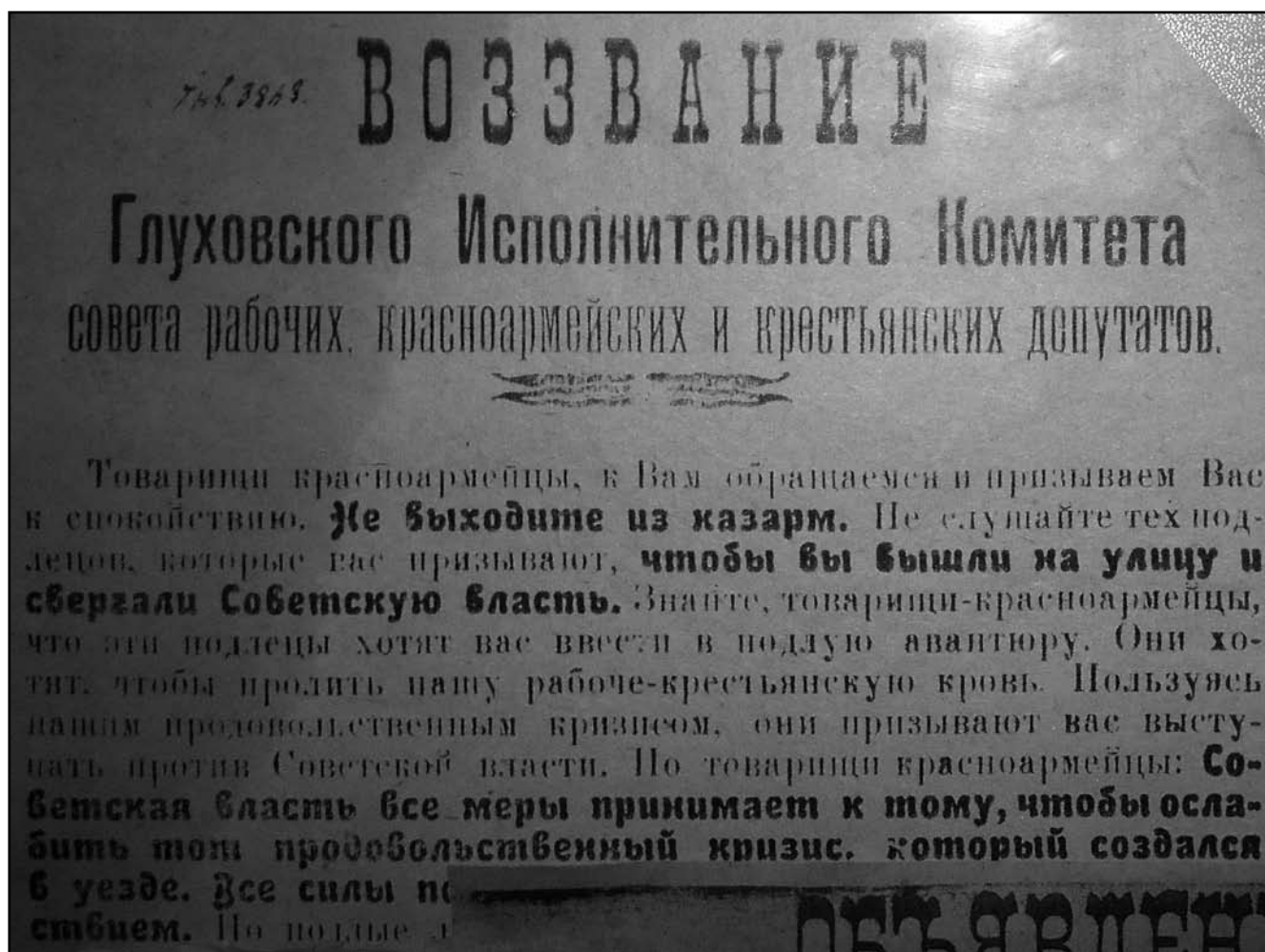
– Зачем кровь? – говорили они, – жизнь – это Божья искра, никто не имеет права гасить ее.

Это были неисправимые интеллигенты-идеалисты, которых революция ничему не научила. Они пользовались в городе известным авторитетом и пришлось нам уступить общественному мнению: вся арестованная банда была посажена в тюрьму. Какая это была непростительная ошибка!

Городская милиция, а также красногвардейский гарнизон были разоружены моментально; хоть и была стрельба, но вся эта история обошлась без потерь.

После занятия нами города (это произошло в 9 ч. вечера) мы тотчас же объявили мобилизацию всех офицеров. Ночью явилось около 150 офицеров. Мы их вооружили и расставили по окраинам на заставы. Оружия очень много было захвачено нами у большевиков, и в нем мы не нуждались. В нашем распоряжении было две девятидюймовых пушки и 34 снаряда. Какая-то тяжелая батарея доехала до Глухова и остановилась здесь. Солдаты разбежались, а офицеры остались на своем посту до последних мгновений и ухаживали за пушками. Эти офицеры примкнули к нам и установили свои орудия на площади.

Еврейское население по своей инициативе организовало питание нашего отряда. Евреи организовали также городскую самообхрану, приблизительно около 150 человек. Во главе городского управления стала городская дума выборов 1917 года; военная власть – комендант и правление – поместились в Неплюевском доме. Руководителями было три молодых офицера – лица все безызвестные: не было ни одного

Листівка «Воззвание Глуховского исполнительного комитета». ГKM – н/д – 5

авторитетного, опытного в военном деле.

Руководители восстания решили держаться в городе до тех пор, пока не придут немцы.

Жители города, хотя и ненавидели большевиков, но ничего не сделали для того, чтобы помочь нам. Ни одного добровольца не поступило в наши ряды. Многие офицеры Глуховского и Батурицкого полков умышленно уклонялись по чердакам. Все эти типы были шкурниками и не хотели рисковать своей головой. Они надеялись, что повстанцы смогут удержать город.

26-го февраля со станции Заруцкое пришла телеграмма следующего содержания: «Сволочи офицеры – держитесь! Скоро придет к вам поезд с матросами...». Дальше следовала непечатная брань.

В тот же день наши патрули поймали в городе троих матросов с бомбами. Они сознались, что были посланы бросить их в Неплюевский дом, где все время находились руководители восстания. Этим матросов посадили в тюрьму.

Около 12 часов дня к городу подъехал большевицкий эшелон с пехотой и пушками. Пушки прямо с вагонных платформ стали обстреливать город. Наши тяжелые пушки открыли стрельбу по эшелону. Снаряды летели за несколько верст

в поле и не причиняли красным никакого вреда. Только два последних снаряда упали вблизи полотна железной дороги. Силой взрыва пушки были сброшены с платформ на землю. Красные засуетились и вновь установили их на платформы. К сожалению, снарядов у нас больше не было, и наши тяжелые орудия молчали. Приблизительно к 2-м часам дня большевицкий поезд ушел обратно, к ст. Заруцкое. Мы выслали паровоз с двумя пулеметами – разведать все подробно. Паровоз вскоре возвратился, и посланные офицеры сообщили, что идет несметное множество большевиков. Действительно, часам к 4 дня показались на горизонте толпы большевиков. Это были местные крестьяне. Они шли вместе с подводами, на которых сидели их жены и дети. Наступающих было около 6–7 тыс. человек. Они шли все через Студенок, где было гнездо большевиков. Начался бой крайне неудачно для нас: еврейская самооборона тотчас же бежала без единого выстрела, и наш левый фланг оказался обнаженным. Не успели мы опомниться, как тысячи крестьян зашли нам в тыл и открыли стрельбу. Два взвода хотели было остановить зарвавшихся большевиков, но те лезли вперед

и очень упорно держались. Впоследствии мы узнали, что все они были пьяны. Наш фронт дрогнул, и мы стали отступать. Выяснилось, что в разгар боя нас обошли и справа. Ко всему этому в городе поднялась стрельба. Мы бросились туда: оказалось, что человек полтора десятка местных большевиков восстали, взяли тюрьму, выпустили оттуда всех арестованных, вооружили их и стали избивать офицеров. Таким образом, наш отряд попал в ловушку. Все бросились врассыпную, кто куда. Человек 50 офицеров успели прорваться по направлению к Ворожбе. Я очутился на окраине города. Забежал в какую-то избу и попросил бабу спрятать меня. Сердобольная старуха посадила меня на чердак и дала мне одежду своего сына, находившегося в плену.

Я переоделся и забился в самый укромный уголок, где трое суток просидел на чердаке. Два раза приходили с обыском. Мне приходилось даже влезать в трубу. Перепачкался сажей, но все же спасся. Старуха ходила в город и сообщала мне обо всем, что там творилось. В городе двое суток шла стрельба. На улицах было много трупов. Около 70 человек офицеров и 200 с лишним евреев были убиты. Особенно досталось евреям за помощь, оказанную офицерам. Крестьяне устроили грандиозный погром; все магазины были разгромлены. На улицах валялись обломки разбитой мебели и зеркальных стекол. В воздухе носился пух с еврейских подушек и перин.

Крестьяне не трогали русского населения и не грабили русских магазинов. Даже родственники офицеров, принимавших участие в восстании, не были наказаны.

Просидев трое суток на чердаке, я выбрался оттуда ночью, поблагодарил старуху, спасшую мне жизнь и двинулся в поле. Направился прямо к Ворожбе. В селах на меня не обращали внимания, и я спокойно добрался к мосту. На станции уже были немцы и сразу стало это заметно. В залах вокзала и на перроне было подметено, где красовалось объявление: «Семучку подсолнуха кушать и счолкать нельзя. Немецкий комендант».

Немцы занимали Ворожбу всего лишь три дня и сразу же повели энергичную борьбу с семечками. Я был свидетелем, как немецкие солдаты, по приказанию коменданта, отнимали у баб корзины с семечками и выбрасывали их в лужи. Даже на горизонте не было видно торговых с подсолнухами. Наряду с этим я видел, как немцы набивали свои карманы семечками и потихоньку грызли их. Семечки – это была какая-то зараза, которая быстро переходила и на немцев.

Переночевал я на вокзале. На следующий день в Ворожбу пришло еще около 40 человек наших спасшихся офицеров. Они долго бродили по полям без пищи и выдержали один бой с крестьянами,

потом бежали, т. к. к крестьянам подошло подкрепление. Офицеры явились к немецкому коменданту и он разрешил сформировать конный отряд. Немцы дали нам лошадей (захваченных у большевиков) и седла. Вскоре у нас набралось человек 70 всадников и вместе с немцами мы двинулись к Глухову. Наш отряд, носивший название «Глуховский конный отряд», шёл в авангарде. Большевики всюду бежали без боя. Перед Пасхой мы подошли к Глухову. На окраине города большевиками была выставлена застава. Мы внезапно налетели и изрубили около 20 крестьян, взяли в плен человек 10 и 2 пулемета. Два эскадрона немцев пошли в обход и таким образом около 400 человек большевиков были прижаты к камышам, в которых они и скрылись. Немцы подожгли камыши и большевики стали выбегать оттуда. Почти все они были истреблены немецким пулеметным и оружейным огнем.

Немцы, заняв город Глухов, установили государственную границу между Украиной и Россией – в двух верстах от города – и дальше не двигались. В городской тюрьме нашли тех интеллигентов-идеалистов, которые помешали нам расстрелять Власова, Шубу и прочую «шпану». Выпустили их на свободу. Тотчас же в городе образовался пеший курий – около 400 человек из офицеров, гимназистов и добровольцев-солдат. Наш конный отряд значительно пополнился, и теперь в нем насчитывалось до 120 человек при 10-ти пулеметах и 1-й горной пушке. Нами была объявлена мобилизация лошадей и вскоре мы имели полный конский комплект.

Все лето вели мы непрерывную войну с местными большевиками. Они делали на нас налеты, а мы в свою очередь на них. Гнездо их было в Студенке. Немцы были очень бережны: они даже не выставляли караулов, а только часовых у своих казарм. Они презрительно относились к воинской доблести большевиков и считали, что они не посмеют напасть. В действительности так и было: большевики нападали только на окраины, грабили жителей и уходили в Студенок. Жители обратились с просьбой защитить их жизнь и имущество от налетов красных.

Командир конного отряда пошел на встречу желаниям жителей и занял окраину города. Чтобы предупредить налеты большевиков, мы сами стали делать нападения на них.

16-го марта наш отряд, при поддержке двух рот немецкой пехоты, сделал ночной налет на Студенок. Врасплох была захвачена большевистская шайка и много оружия. Мы захватили около 4000 винтовок, 50 пулеметов, 1000 ручных гранат и две избы, набитые ящиками с патронами. Около 300 человек крестьян было расстреляно немцами. Крестьян посадили в большой сарай (ригу) и стали

бросать туда бомбы, обстреливать из пулеметов и пушки с близкой дистанции. Затем рига была немцами подожжена. Мы лично были против таких зверств, но ничего не могли сделать, т.к. немцы были хозяевами положения.

После этого мы сожгли половину села.

17-го марта большевики вновь сделали налет на нас. Им удалось захватить в плен одного офицера; с него сняли кожу и он в страшных мучениях умер, брошенный на улицу Студенка.

Впоследствии нам рассказывали, что крестьяне толпами приходили любоваться предсмертными судорогами умирающего. Приходили даже женщины и дети. Мы тотчас же отправились с немцами в Студенок, но никого там не застали: большевики бежали вглубь России. (Глухов на то время был на Украине, а Студенок – на границе с Украиной – но в России). Мы сожгли и остальную половину села. Оставили только церковь и дом священника. Большевики не успокоились и 18-го марта вновь сделали налет на Глухов, но неудачно. Мы опять отправились в Студенок, предложили священнику перевезти его, его семью и вещи в город, т. к. решено было сжечь последний дом и церковь. После того, как священник переехал в город, его дом и церковь были сожжены. Таким образом деревня Студенок фактически перестала существовать.

Партизанская война с большевиками тянулась целое лето. Большевики прибегали к всевозможным уловкам, чтобы только поймать нескольких офицеров и замучить их. Иногда им это удавалось. Тогда мы предпринимали налеты на большевиков и, захватив пленных, замучивали их. С каждым днем сердца воюющих ожесточались все больше и больше. Кажется все казни были перепробованы и начальники отрядов устраивали конкурсы. Кто придумает самую лютую казнь или пытку – получает бутылку Николаевской водки. Каких только казней не придумывали! Пересчитать их нет возможности, да и стоит ли? Теперь это лишь кажется бессмысленным и диким, но тогда, когда все были ослеплены безумной злобой, – всем казалось нормальным и естественным.

Описывать и останавливаться на всех мелких эпизодах борьбы, продолжавшейся все лето, я не буду. Все эти бои и эпизоды очень шаблонны и не представляют никакого интереса. Опишу лишь одно важное обстоятельство. Большевицкие шайки мало-помалу получили некоторую организацию и к осени 1918 года до того были организованы, что даже немцы обратили внимание на этот факт и стали выставлять сторожевые заставы и назначать дежурную часть. Большевики крепили на моих глазах. Из всех боевых эпизодов я остановлюсь только на двух, т. к. более или менее интересны.

Первый эпизод – в деревне Кучеровке. К начальнику нашего отряда явилось трое крестьян,

которые сказали, что большевики собираются сделать налет на Кучеровку и угнать их скот. Они просили защитить их. Начальник отряда мигом приказал седлать коней и тотчас же отправится в Кучеровку. Не доезжая 200 шагов до деревни, крестьяне сказали начальнику отряда, чтобы тот отпустил их в село. Они пойдут и узнают, есть-ли там большевики или нет. Ничего не подозревая, мы отпустили крестьян. Так как те долго не возвращались, то мы двинулись в село. Не успели мы проехать и 100 шагов, как вдруг со всех чердаков и подворотней застрочили пулеметы. У нас началась паника. Мы быстро ускакали в поле, потеряв человек 25 убитыми, ранеными и пленными.

Оказалось, что крестьяне с целью завлекли нас в засаду. Наши раненые были добиты кольями по голеним; некоторым вбивали колья в животы. Пленных наших всех замучили, применяя всевозможные пытки. На следующий день были двинуты силы и вся деревня была сожжена. Крестьяне бежали из деревни, оставив только стариков и старух. Невзирая на преклонный возраст оставшихся, их всех хорошо выпороли шомполами и нескольких повесили для острастки. Возвращаясь в Глухов, мы заметили стадо коров и лошадей, которое принадлежало жителям села Кучеровки. Мы хотели угнать его с собой, но стадо вдруг чего-то испугалось и понеслось. Мы открыли по нему пулеметный огонь, который принес стаду большей урон. Лошади унеслись, но коровы пострадали сильно и около двадцати трупов усеяли поле.

В июле месяце, приблизительно в первых числах, в большом селе Дубовичи произошло следующее событие. Один из местных солдат, по фамилии Ганжа, собрал банду в 300 человек пехоты и около 100 всадников и объявил в Дубовичах независимую республику, а себя «Монархом» (не «царем», а «монархом»). Им были назначены ближайшие помощники – комендант и военный министр. Больше министров не было – только один. Сельский учитель должен был разработать финансовую реформу, т. е. изыскать средства для того, чтобы якобы печатать деньги. Жители очень доброжелательно отнеслись к своему монарху и поили и кормили не только его, но и всю банду. В своей республике он процарствовал только 8 дней. Жители рассказывали, что у него были широкие планы, а именно возвести местного священника в сан митрополита, т. к. нехорошо, если в республике нет высшего церковного иерарха, а затем повелел ему сочинить особые молитвы и возносить их за «монарха Дубовицкой республики». Вообще о Ганже можно сказать, что он не был злым и кровожадным, но с некоторыми странностями. Его подчинённые совершенно не интересовались ни идеологией своего монарха, ни его странностями,

и были заняты лишь тем, как бы вкуснее поестъ и пожить сладко. Подойдя к Дубовичам, мы вместе с немецкой пехотой окружили село и переловили всех верноподданных монарха, а также его самого. Очень многие были расстреляны немцами, а сам монарх Ганжа был отправлен в Харьков, где, кажется, и повешен. Так кончила свою жизнь славная Дубовицкая республика.

Осенью (в августе и сентябре месяце) большевики настолько обнаглели, что стали снимать немецкие посты. Немцы удвоили сторожевое охранение и уже по ночам не раздевались, как прежде, догола. По ночам вокруг города шныряли какие-то люди, город обстреливали из пулемётов и винтовок. Мы часто ходили в поле на разведку, но выяснить, кто был невидимым врагом было очень трудно, почти невозможно. Раз большевики повели ночную атаку на город, и мы ее с большим трудом, даже при помощи немцев, отбили» [23, арк. 1–27].

У статі поданий лише уривок з глухівського періоду життя офіцера, що в повній мірі не відображає всю трагічність подій, яку довелося пережити мільйонам українців в роки війни з більшовицькою владою. Щоденник зі спогадами В. Бурятинського потребує повного факсимільного перевидання та подальшого вивчення.

Посилання

1. Белашов В.І. Глухів у роки Першої світової війни, Української революції і Громадянської війни (1914–1921 рр.) // Соборний майдан. – 2005. – № 1 (7). – С. 3.
2. Белашов В.І. Глухів у роки Першої світової війни, Української революції і Громадянської війни (1914–1921 рр.) // Соборний майдан. – 2005. – № 3 (9). – С. 3.
3. Белашов В.І. Глухів у роки Першої світової війни, Української революції і Громадянської війни (1914–1921 рр.) // Соборний майдан. – 2005. – № 4 (10). – С. 3.
4. Белашов В.І. Глухів у роки Першої світової війни, Української революції і Громадянської війни (1914–1921 рр.) // Соборний майдан. – 2005. – 5 (11). – С. 3.
5. Білокінь С.І. Глухівська трагедія / С.І. Білокінь // Сіверщина в історії України. Збірник наукових праць. Вип. 2 – К. – Глухів, 2009. – С. 159–167.
6. Василенко М.П. Вибрані твори у 3 томах [Т. 3]. Спогади. Щоденники. Листування / М.П. Василенко. – К.: ТОВ «Видавництво «Юридична думка», 2012. – 720 с.
7. Вечерський В.В., Белашов В.І. Глухів / В.В. Вечерський, В.І. Белашов. – К.: Абрис, 2003. – 168 с.
8. Гурба В.Г. Дубовичі. Історико-краєзнавчий нарис / В.Г. Гурба. – К.: Бізнесполіграф, 2012. – 280 с.
9. Емельянов С.Н. Курский край в Гражданской войне 1917–1921 гг. / С.Н. Емельянов. – Курск: Полстар., 2013. – 528 с.
10. Егоров А.И. Гражданская война в России: Разгром Деникина / А.И. Егоров. – М.: АСТ., 2003. – 640 с.
11. Заїка В.В. Спогади про Глухів у листах О.О. Гільдуніної (Шапоріної) / В.В. Заїка // Сіверщина в контексті історії України (Матеріали шостої науково-практичної конференції). – Суми: Видавничий будинок «Еллада», 2007. – С. 144–147.
12. Іванущенко Г.М. Повстанський рух 20-х – 30-х років ХХ ст. на Сумщині [Т. 1] / Г.М. Іванущенко. – Суми: ФОП

Наталуха А.С., 2011. – 340 с.

13. Іванущенко Г.М. Українське відродження 1917–1920 рр. на Сумщині [Т. 1] / Г.М. Іванущенко. – Суми: ФОП Наталуха А.С., 2010. – 280 с.

14. Іванущенко Г.М. Українська революція 1917–1920 рр. в листах та газетах / Г.М. Іванущенко. – Суми: Видавництво «Ярославна», 2005. – 88 с.

15. Коваленко Ю.О. 175-й стрілецький Батуринський полк // Соборний майдан. – 2010. – 1(37). – 6 с.

16. Коваленко Ю.О. Щоденник білогвардійського офіцера (зі спогадів учасників «Білого руху»), опублікованих у Парижі в 1944 р.) // Соборний майдан. – 2009. – 1 (31). – С. 67.

17. Назарова В. В., Мірошніченко О.М. Феофан Пашкевич в воспоминаниях дочери Евы // Соборний майдан. – 2014. – 3 (63). – С. 4–5.

18. Назарова В.В., Мірошніченко О.М. Феофан Пашкевич в воспоминаниях дочери Евы // Соборний майдан. – 2014. – 4 (64). – С. 4–5.

19. Назарова В.В., Мірошніченко О.М. Феофан Пашкевич в воспоминаниях дочери Евы // Соборний майдан. – 2014. – 5 (65). – С. 4–5.

20. Назарова В.В., Мірошніченко О.М. Феофан Пашкевич в воспоминаниях дочери Евы // Соборний майдан. – 2014. – 6 (66). – С. 3–5.

21. Савченко В.А. Двадцать войн за Украину / В.А. Савченко. – Х.: Фолио, 2006. – 415 с.

22. Тупік С.В. Глухівський Петропавлівський монастир та навколишні села / С.В. Тупік. – Суми: Університетська книга, 2014. – 398 с.

23. Государственный архив Российской Федерации, ф. Р–5881, оп. 2, д. 274.

Мірошніченко А.Н. Глухов в годы Украинской революции (события 1917–1918 годов в воспоминаниях В. Бурятинского)

В статье впервые публикуется дневник офицера российской имперской армии В. Бурятинского, который был активным участником антибольшевистского повстанческого движения на Глуховщине в 1917–1918 гг.

Ключевые слова: Глухов, Цыганок, Студенок, большевик, немцы, Батуринский полк, Глуховский полк.

Miroshnychenko O.M. Hlukhiv in the years of the Ukrainian revolution (events of 1917–1918 years from memories of V. Buriatynskyi)

In article it is for the first time published diaries of the officer of the Russian imperial army of Buriatynskyi V. Who was the active participant of the anti-Bolshevistin surgent movement in Hlukhiv region in 1917–1918.

Key words: Hlukhiv, Tsyhanok, Studenok, Bolshevik, Germans, Baturyn regiment, Hlukhiv regiment.

02.03.2015 р.